

ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОЙ МАКРОЭКОНОМИКИ

Валерий Владиславович СМИРНОВ ^{a,*}, Алёна Владимировна МУЛЕНДЕЕВА ^b

^a кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧувГУ), Чебоксары, Российская Федерация
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>
SPIN-код: 3120-4077

^b старший преподаватель кафедры физической географии и геоморфологии,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧувГУ), Чебоксары, Российская Федерация
alena-mulendeeva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9852-9804>
SPIN-код: 9404-7292

* Ответственный автор

История статьи:

Рег. № 316/2019
Получена 24.04.2019
Получена в доработанном
виде 16.05.2019
Одобрена 31.05.2019
Доступна онлайн
15.04.2020

УДК 330.3;338.1
JEL: E10, E17, E20, E24,
E29

Ключевые слова:

экономический рост,
безработица,
макроэкономика,
структура

Аннотация**Предмет.** Структура макроэкономики России.**Тема.** Анализ параметров современной структуры макроэкономики России.**Цели.** Определение параметров современной структуры макроэкономики России и выделение достижимых приоритетов.**Методология.** Исследование основано на системном подходе с применением статистического, кластерного, нейросетевого и непараметрического анализа.

Результаты. Рассмотрена актуальность проблемы определения приоритетов современной структуры российской макроэкономики в условиях перехода мировой экономики от политики всеобщей глобализации к сегментированному американскому корпоративному управлению. Выявлены факторы, сдерживающие рост уровня безработицы, показатели эффективности промышленности, сферы услуг и сельского хозяйства. Определены условия повышения активности торговли, динамики прямых иностранных инвестиций, отличительные признаки российской финансовой системы (конъюнктурный рост общих резервов, стабильные параметры доходов и расходов государственного сектора и налоговых поступлений в государственный сектор и т.д.). Показано стремление к либерализации российского рынка на фоне стабильного роста индекса восприятия коррупции.

Область применения. Результаты исследования целесообразно использовать в процессе формирования и корректировки российской экономической политики на макроуровне.

Выводы. Выявленные приоритеты современной структуры российской макроэкономики относительно возможностей сдерживания роста уровня безработицы, низкой эффективности промышленности, сферы услуг, сельского хозяйства, а также устойчивой зависимости роста производительности труда с ростом дефлятора ВВП, конъюнктурного роста общих резервов, либерализации российского рынка и роста индекса восприятия коррупции определяют неоднозначные перспективы для экономики России.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2019

Для цитирования: Смирнов В.В., Мулендеева А.В. Приоритеты современной структуры российской макроэкономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 613 – 630.
<https://doi.org/10.24891/ni.16.4.613>

Введение

В условиях перехода мировой экономики от политики всеобщей глобализации к

сегментированному американскому корпоративному управлению (главный акционер – США) необходимо прояснить место российской экономики в этом процессе.

Понимание того, где находится Россия, позволит без иллюзий определить ее как *insider or outsider*, и тем самым выбрать эффективные и приемлемые ориентиры развития.

Основным критерием возможностей активного участия России в процессе американского корпоративного управления является структура российской макроэкономики, ее способность генерировать прибыль. Резкий спад российской экономики и ее переход сначала в стадию стагнации в 2013–2014 гг., а затем и к рецессии в 2015 г., сопровождающихся негативными процессами стагнации [1], все более определяет ее место как *backyard* мировой экономики.

Вялый акцент на восстановлении экономического роста и формировании ресурсов для решения задачи по структурной перестройке экономики в период 2017–2025 гг., а именно активного перехода к внутриориентированному инвестиционному росту, в рамках которого будет обеспечена структурно-технологическая модернизация, предполагающая значительный рост эффективности производства, рост конкурентоспособности российской экономики и создание потенциала расширения экспорта (на основе формирования «новых» доходов) [2], не позволит России в ближайшее время выйти из зоны отставания.

Расчеты российских ученых показали, что увеличение финансирования отраслей новой экономики в сравнении с прочими отраслями приводит к росту ВВП за 7 лет на 4,45 п.п. по отношению к базовому варианту развития экономики. Проведенные расчеты также свидетельствуют о том, что практически любое денежное вливание в реальный сектор экономики приводит к приросту ВВП в силу значительной демонетизации экономики нашей страны [3]. Это положение вызывает особый интерес для изучения источников прироста ВВП в современной структуре российской макроэкономики, ее приоритетов и места в новом мироустройстве.

Методологические положения

Приоритеты структуры экономики отдельных стран заложены в сущности макроэкономики, изучающей функционирование экономики в целом, экономическую систему как единое целое, совокупность экономических явлений [4]. Выстраивая иерархию необходимости решения макроэкономических задач (повышение темпов экономического роста, снижение безработицы, общего уровня цен и ставки процента, сбалансированности государственного бюджета и торгового баланса) [5, 6], можно определить приоритеты структуры национальной экономики.

В условиях турбулентных проявлений в мировой экономике актуальным становится определение критерия устойчивости экономики страны, связанного с качеством экономических структур. Надежные рынки труда, товаров и условия для ведения бизнеса повышают устойчивость к неблагоприятным потрясениям и снижают частоту кризисов в более общем плане. При наличии общего шока страна со слабой экономической структурой может в среднем пострадать до двух раз от потери производства в данном году по сравнению с более адаптируемой экономикой. С точки зрения политики, это означает необходимость проведения структурной политики в странах с более низким качеством экономических структур для повышения устойчивости в случае будущих потрясений [7].

Для России, как активно развивающейся страны, создающей новые рабочие места и содействующей экономическому развитию, становится актуальной проблема определения приоритетов структуры российской макроэкономики – возможных ориентиров структурных преобразований. Установление ориентиров является актуальным, поскольку они могли бы информировать директивные органы страны при разработке и осуществлении политики содействия экономическому развитию [8].

Россия активно участвует в мирохозяйственных связях, занимая

достаточно высокие места в международных рейтингах. Развитие экономики приводит к появлению определенной положительной динамики ВВП, глобального инвестиционного индекса, рейтинга ведения бизнеса Doing Business и т.п. Однако отдельные показатели заслуживают более серьезного отношения. Это касается торговли услугами, оттока капитала, привлечения иностранных инвестиций, повышения роли и значимости России в международных организациях [9].

Формирование системы стабильного притока иностранных инвестиций, сокращение их оттока, проведение амнистии выданного капитала, а также процесс деофшоризации международных транзакций, решение о регулировании движения капитальных потоков в настоящее время практически невозможны без улучшения инвестиционного климата нашей страны [10].

Выбор проблемы определения приоритетов структуры макроэкономики связан с главенством ориентиров уровневой системы «государство – регион – предприятие», соединенной устойчивыми связями и корректирующей процессы производства, распределения, обмена, потребления на макро-, мезо- и микроуровнях [11]. При этом решается проблема формирования и наращивания тесных многообразных взаимосвязей в социально-экономическом пространстве [12].

Статистический анализ

Статистический анализ структуры российской макроэкономики связан с ретроспективной и прогнозной оценкой динамики (с применением МНК) совокупности показателей по данным Всемирного банка и Международного валютного фонда: темпов роста ВВП на душу населения; потребительских цен; дефлятора ВВП; уровня безработицы; темпов роста производительности труда; добавленной стоимости и занятости в сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг; импорта и экспорта товаров и коммерческих услуг; торговли товарами и коммерческими

услугами; баланса текущего счета; сальдо потоков и запасов прямых иностранных инвестиций (приток-отток), эффективности по сальдо (потоки/запасы); S&P (глобальные фондовые индексы); темпов роста общих резервов (включая золото); доходов и расходов государственного сектора; налоговых поступлений в государственный сектор, профицита/дефицита денежных средств государственного сектора; индексов легкости ведения бизнеса и восприятия коррупции.

Агрегированные показатели. Анализ ретроспективной и прогнозной динамики агрегированных показателей (темпы роста ВВП на душу населения, потребительские цены, дефлятор ВВП, уровень безработицы, темпы роста производительности труда) (рис. 1) позволил выявить стабильно низкие значения уровня безработицы (стандартное отклонение $SD = 1,52\%$; дисперсия $\sigma^2 = 2,3$; среднее $AV = 6,94\%$; медиана $Me = 7\%$) и темпов роста производительности труда ($SD = 3,92\%$, $\sigma^2 = 15,39$, $AV = 103,62\%$, $Me = 104,39\%$).

Одним из факторов, сдерживающих рост уровня безработицы в российской экономике, является низкий уровень производительности труда. Наиболее чувствительным к темпу роста производительности труда является темп роста ВВП на душу населения [13], который наиболее ярко проявился в периоды кризиса в экономике 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг. [14]. Периоды роста производительности труда связаны с ростом потребительских цен и дефлятора ВВП, в том числе за счет снижения покупательной (обеспечительной) способности национальной валюты.

Относительно высокие значения волатильности темпов роста ВВП на душу населения ($SD = 9,05\%$, $\sigma^2 = 81,87$, $AV = 5,95\%$, $Me = 5,29\%$) и дефлятора ВВП ($SD = 8,41\%$, $\sigma^2 = 70,75$, $AV = 14,96\%$, $Me = 15,17\%$) являются следствием высоких значений стабильной динамики потребительских цен ($SD = 4,98\%$, $\sigma^2 = 24,78$, $AV = 11,87\%$, $Me = 11,65\%$).

Эффективность структуры. Анализ эффективности структуры российской макроэкономики связан с оценкой ретроспективной и прогнозной динамики отношений добавленной стоимости в сельском хозяйстве, промышленности, сфере услуг к соответствующей отраслевой занятости (рис. 2).

В результате анализа выявлены стабильно низкие показатели эффективности промышленности ($SD = 0,06\%$; дисперсия $\sigma^2 = 0$; среднее $AV = 1,07\%$, $Me = 1,07\%$) и сферы услуг ($SD = 0,04\%$, $\sigma^2 = 0$, $AV = 0,85\%$, $Me = 0,84\%$), критические – сельском хозяйстве ($SD = 0,1\%$, $\sigma^2 = 0,01$, $AV = 0,49\%$, $Me = 0,44\%$).

Следовательно, существенным фактором, сдерживающим рост экономики, является снижение темпов роста производительности труда [15] (о чем было сказано ранее), что в большей мере связано с критическими значениями эффективности сельского хозяйства [16, 17], которое, в свою очередь, кардинально меняет картину интегральной эффективности структуры российской экономики. После стабильного роста эффективности сельского хозяйства в 2013–2018 гг. ожидается резкое снижение как в сельском хозяйстве, так и интегрального показателя эффективности структуры экономики.

Торговля. Анализ ретроспективной и прогнозной динамики показателей торговли (импорт и экспорт товаров и коммерческих услуг, торговля товарами и коммерческими услугами, баланс текущего счета) (рис. 3) позволил выявить превышение волатильного экспорта товаров и коммерческих услуг ($SD = 5,06\%$, $\sigma^2 = 25,64$, $AV = 32,06\%$, $Me = 31,44\%$) над их стабильным импортом ($SD = 1,45\%$, $\sigma^2 = 2,09$, $AV = 21,76\%$, $Me = 21,36\%$), а также значительное превышение волатильной торговли товарами ($SD = 5,9\%$, $\sigma^2 = 34,79$, $AV = 45,10\%$, $Me = 45,97\%$) над стабильной торговлей коммерческими услугами ($SD = 1,07\%$, $\sigma^2 = 1,16$, $AV = 8,72\%$, $Me = 8,91\%$).

Как следствие, сложившаяся динамика торговли привела к волатильности низкого уровня значений баланса текущего счета ($SD = 4,15\%$, $\sigma^2 = 17,2$, $AV = 7,08\%$, $Me = 6,26\%$).

Следовательно, учитывая доминирующую эффективность промышленности (см. ранее), основным фактором активности торговли является экспорт промышленных товаров, который после максимального значения в 2018 г. должен сохранить как доминирующее положение, так и волатильность.

Прямые иностранные инвестиции. Анализ ретроспективной и прогнозной динамики показателей прямых иностранных инвестиций: сальдо потоков и запасов прямых иностранных инвестиций (приток-отток), эффективность по сальдо (потоки/запасы) (рис. 4) позволил выявить волатильность – на низких значениях сальдо потоков прямых инвестиций ($SD = 3,45\%$, $\sigma^2 = 11,93$, $AV = -0,46\%$, $Me = 0,28\%$), на средних – сальдо запасов прямых инвестиций ($SD = 2,73\%$, $\sigma^2 = 7,47$, $AV = 3,62\%$, $Me = 3,81\%$). Это положение определило различия эффективности по сальдо (потоки/запасы): $AV = 0,61\%$ и $Me = 0,08\%$ ($SD = 1,83\%$, $\sigma^2 = 3,34$).

Следует отметить положительные всплески эффективности по сальдо в 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг. В первом случае высокие значения эффективности достигались за счет совокупного (потока и запасов) притока прямых иностранных инвестиций, во втором – их оттока [18]. Негативной составляющей является снижение с 2016 г. сальдо запасов ПИИ и отсутствие роста сальдо потоков ПИИ, что привело к «нулевой» эффективности ПИИ по сальдо 2017–2020 гг.

Финансовая система. Анализ ретроспективной и прогнозной динамики показателей финансовой системы: S&P (глобальные фондовые индексы), темпы роста общих резервов (включая золото), доходы и расходы государственного сектора, налоговые поступления в государственный сектор, профицит/дефицит денежных средств государственного сектора (рис. 5) позволил

выявить волатильность средних значений S&P ($SD = 42,19\%$, $\sigma^2 = 1\,779,69$, $AV = 20,22\%$; медиана $Me = 21,94\%$) и высоких значений темпа роста общих резервов, включая золото ($SD = 36,7\%$, $\sigma^2 = 1\,347,15$, $AV = 131,71\%$, $Me = 131,26\%$). При этом соизмеримы по качеству динамики доходы ($SD = 2,47\%$, $\sigma^2 = 6,09$, $AV = 27,96\%$, $Me = 27,58\%$), расходы государственного сектора ($SD = 3,65\%$, $\sigma^2 = 13,35$, $AV = 23,79\%$, $Me = 22,76\%$) и налоговые поступления в государственный сектор ($SD = 1,91\%$, $\sigma^2 = 3,63$, $AV = 14,08\%$, $Me = 13,74\%$).

Отличительным признаком российской финансовой системы является конъюнктурный рост общих резервов (включая золото) на фоне волатильности S&P при сохранении стабильных параметров доходов и расходов государственного сектора и налоговых поступлений в государственный сектор [19], с естественным ростом на величину среднего (медианного) значения профицита денежных средств государственного сектора ($SD = 3,88\%$, $\sigma^2 = 15,09$, $AV = 3,07\%$, $Me = 3,05\%$).

Легкость ведения бизнеса и восприятие коррупции. Индекс легкости ведения бизнеса (*Ease of Doing Business Index*) составляется Всемирным банком для сравнения простоты предпринимательской деятельности между странами мира на основе годовых данных по 10 внутренним индикаторам: начало бизнеса; работа с разрешениями на строительство; получение электроснабжения; регистрация имущества; получение кредитов; защита прав инвесторов; уплата налогов; международная торговля; обеспечение контрактов; закрытие предприятия. Активное снижение индекса легкости ведения бизнеса ($SD = 34,66\%$, $\sigma^2 = 1\,201,57$; уравнение полиномиальной аппроксимации: $y = 0,1947x^3 - 5,7375x^2 + 41,469x + 36,372$, $R^2 = 0,9647$) (рис. 6) отражает стремление к либерализации российского рынка. Россия в 2018 г. по легкости ведения бизнеса опередила Францию (31-е и 32-е места соответственно), но пока существенно уступает США (8-е место).

Индекс восприятия коррупции (*Corruption Perceptions Index, CPI*) измеряемый от 0 (максимальный уровень коррупции) до 100 (отсутствие коррупции), составляется международной неправительственной организацией Transparency International на основе независимых опросов, в которых принимают участие международные финансовые и правозащитные эксперты, в том числе из Азиатского и Африканского банков развития, Всемирного банка и американской организации Freedom House.

Россия демонстрирует относительно стабильный рост индекса восприятия коррупции с 2005 г. ($SD = 5,35\%$, $\sigma^2 = 28,58$, $AV = 27,5\%$, $Me = 26,5\%$; уравнение полиномиальной аппроксимации: $y = -0,06x^3 + 1,3481x^2 - 7,4091x + 32,587$, $R^2 = 0,8837$) (см. рис. 6). В 2018 г. Россия расположилась на 136-м месте, опережая Ливан, но уступая Ирану.

Следовательно, в российской экономике наблюдается активная либерализация рынка, бенефициарами которого являются коррумпированные структуры.

Структурный анализ

Структурный анализ российской макроэкономики включает в себя кластерный, нейросетевой и непараметрический анализ совокупности оцененных ранее показателей. Результатом анализа является совокупность приоритетов современной структуры российской макроэкономики.

Кластерный анализ. В результате анализа выявлены следующие кластеры:

- коэффициент прироста населения и эффективность сельского хозяйства, эффективность по сальдо, сальдо потоков ПИИ и т.д.;
- потребительские цены и уровень безработицы;
- уровень безработицы и занятость (сельское хозяйство), баланс текущего счета;

- темпы роста производительности труда и темпы роста общих резервов (включая золото);
- добавленная стоимость (сельское хозяйство) и сальдо запасов ПИИ (приток-отток), профицит/дефицит денежных средств государственного сектора и др. (табл. 1).

Следовательно, кластерообразующими являются такие показатели, как: коэффициент прироста населения; потребительские цены; уровень безработицы; темпы роста производительности труда; добавленная стоимость; занятость (сельское хозяйство и промышленность); эффективность (сельское хозяйство и промышленность); импорт товаров и коммерческих услуг; потоки и запасы (ПИИ, ввоз).

Нейросетевой анализ. В результате анализа выявлена иерархия важности макроэкономических показателей (табл. 2), среди которых можно выделить (важность больше 50%) занятость (услуги и промышленность), темпы роста производительности труда, добавленную стоимость (услуги), импорт товаров и коммерческих услуг, запасы ПИИ, эффективность сельского хозяйства, интегральную эффективность, темпы роста общих резервов (включая золото), потребительские цены. Корректировка результатов кластерного анализа относительно важности макроэкономических показателей позволила определить следующие весомые кластеры:

- темпы роста производительности труда и темпы роста общих резервов (включая золото);
- занятость (промышленность) и доходы государственного сектора;
- добавленная стоимость (услуги) и занятость (услуги), торговля товарами;
- импорт товаров и коммерческих услуг и расходы государственного сектора, запасы ПИИ (ввоз);
- эффективность сельского хозяйства и интегральная эффективность, эффективность промышленности;

- запасы ПИИ (ввоз) и запасы ПИИ (вывоз);
- потребительские цены и уровень безработицы, потоки ПИИ (ввоз), дефлятор ВВП.

Непараметрический анализ. В результате анализа выявлены макроэкономические показатели, по которым выдвинутая гипотеза отклоняется (табл. 3). Корректировка результатов кластерного и нейросетевого анализа (см. ранее) позволила выявить приоритетные кластеры современной структуры российской экономики:

- 1) темпы роста производительности труда и темпы роста общих резервов (включая золото);
- 2) добавленная стоимость (услуги) и занятость (услуги), торговля товарами;
- 3) импорт товаров и коммерческих услуг и расходы государственного сектора, запасы ПИИ (ввоз);
- 4) запасы ПИИ (ввоз) и запасы ПИИ (вывоз);
- 5) потребительские цены и уровень безработицы, потоки ПИИ (ввоз), дефлятор ВВП.

По совокупности кластерного, нейросетевого и непараметрического анализа установлены следующие приоритетные элементы (индикаторы) структуры российской макроэкономики: дефлятор ВВП; добавленная стоимость (услуги); занятость (услуги); запасы ПИИ (ввоз и вывоз); импорт товаров и коммерческих услуг; потоки ПИИ (ввоз); потребительские цены; расходы государственного сектора; темпы роста общих резервов (включая золото); темпы роста производительности труда; торговля товарами; уровень безработицы.

Обсуждение результатов

В результате статистического, кластерного, нейросетевого и непараметрического анализа выявлены приоритетные элементы (индикаторы) структуры российской макроэкономики – дефлятор ВВП,

добавленная стоимость (услуги), занятость (услуги), запасы ПИИ (ввоз и вывоз), импорт товаров и коммерческих услуг, потоки ПИИ (ввоз), потребительские цены, расходы государственного сектора, темпы роста общих резервов (включая золото), темпы роста производительности труда, торговля товарами и уровень безработицы.

Основным фактором, сдерживающим рост уровня безработицы в российской макроэкономике, является низкий уровень производительности труда, который, в свою очередь, определяет низкие значения эффективности промышленности и сферы услуг, а также критические – в сельском хозяйстве. В сложившейся структуре российской макроэкономике условием для роста производительности труда является обеспечение роста потребительских цен и дефлятора ВВП. И это условие в достаточной мере реализуется за счет девальвации национальной валюты [20].

Учитывая доминирующую, но все же низкую, эффективность промышленности, основным фактором активности торговли стал волатильный экспорт промышленных товаров.

Следует отметить, что в 2008–2009 гг. высокие значения эффективности ПИИ по салдо достигались за счет совокупного (потока и запасов) притока прямых иностранных инвестиций, а 2014–2015 гг. – оттока. Это положение показывает различную природу экономических кризисов в данные периоды. Негативной составляющей является снижение с 2016 г. салдо запасов ПИИ и отсутствие роста салдо потоков ПИИ, что привело к «нулевой» эффективности ПИИ по салдо 2017–2020 гг., что в значительной мере показывает близость к кризису 2014–2015 гг.

Российская финансовая система демонстрирует конъюнктурный рост общих резервов (включая золото) на фоне волатильности S&P, сохраняя стабильные

параметры доходов и расходов государственного сектора и налоговых поступлений в государственный сектор (с естественным ростом) на величину среднего (медианного) значения, профицита денежных средств государственного сектора. На фоне снижения индекса легкости ведения бизнеса (повышения либерализации российского рынка) и относительно стабильного роста индекса восприятия коррупции в неявной форме выделяются госкорпорации с аффилированными акторами – Минфином России и Банком России, определяющие приоритеты структуры российской макроэкономике [21].

Выводы

Сложившаяся структура современной российской макроэкономике позволяет выделить следующие приоритеты: дефлятор ВВП; добавленную стоимость (услуги); занятость (услуги); запасы ПИИ (ввоз и вывоз); импорт товаров и коммерческих услуг; потоки ПИИ (ввоз); потребительские цены; расходы государственного сектора; темпы роста общих резервов (включая золото); темпы роста производительности труда; торговлю товарами и уровень безработицы.

В выделенном формате приоритетов складываются определенные управленческие решения по сдерживанию роста уровня безработицы, повышению эффективности промышленности, сферы услуг и сельского хозяйства, обеспечению сбалансированности доходов и расходов государственного сектора и налоговых поступлений в государственный сектор и т.п.

Особую роль, при реализации выявленных приоритетов, играют Минфин России и Банк России. Они представляют значительный интерес для американского корпоративного управления как основные бенефициары сложившейся структуры российской макроэкономике.

Таблица 1

Кластерный анализ, 2000–2020 гг.

Table 1

Cluster analysis, 2000–2020

Объединенный кластер		Квадрат евклидова расстояния
Коэффициент прироста населения	Эффективность сельского хозяйства	18,69
	Эффективность по сальдо	69,3
	Сальдо потоков ПИИ, приток-отток	278,22
	Добавленная стоимость, сельское хозяйство	425,58
	Темпы роста ВВП на душу населения	2 087,98
	Потребительские цены	2 386,91
	Добавленная стоимость, промышленность	9 825,05
	S&P, глобальные фондовые индексы	39 338,27
	Добавленная стоимость, услуги	41 492,59
	Темпы роста производительности труда	242 078,15
Потребительские цены	Уровень безработицы	640,1
	Потоки ПИИ, ввоз	883,19
	Дефлятор ВВП	1 906,37
Уровень безработицы	Занятость, сельское хозяйство	123,68
	Баланс текущего счета	273,58
Темпы роста производительности труда	Темпы роста общих резервов, включая золото	39 994,91
Добавленная стоимость, сельское хозяйство	Сальдо запасов ПИИ, приток-отток	198,45
	Профицит/дефицит денежных средств государственного сектора	376,79
Добавленная стоимость, промышленность	Занятость, промышленность	207,46
	Экспорт товаров и коммерческих услуг	660,17
	Импорт товаров и коммерческих услуг	2 238,19
Добавленная стоимость, услуги	Занятость, услуги	2 114,99
	Торговля товарами	5 156,65
Занятость, сельское хозяйство	Торговля коммерческими услугами	97,09
Занятость, промышленность	Доходы государственного сектора	107,15
Эффективность сельского хозяйства	Интегральная эффективность	0,06
	Эффективность промышленности	5,56
Эффективность промышленности	Эффективность услуг	1,2
Импорт товаров и коммерческих услуг	Расходы государственного сектора	488,48
	Запасы ПИИ, ввоз	967,69
Потоки ПИИ, ввоз	Потоки ПИИ, вывоз	242,97
	Налоговые поступления в государственный сектор	546
Запасы ПИИ, ввоз	Запасы ПИИ, вывоз	424,78

Примечание. Иерархический кластерный анализ. Среднее расстояние между кластерами, квадрат евклидова расстояния.

Источник: рассчитано по данным Всемирного Банка и Международного валютного фонда

Source: Authoring based on World Bank and the International Monetary Fund data

Таблица 2
Нейросетевой анализ, 2000–2020 гг.

Table 2
Neural network analysis, 2000–2020

Показатель	Важность, %
Занятость, услуги	100
Темпы роста производительности труда	89,9
Занятость, промышленность	69,8
Добавленная стоимость, услуги	66,4
Импорт товаров и коммерческих услуг	65,4
Запасы ПИИ, вывоз	57,2
Эффективность сельского хозяйства	53,4
Интегральная эффективность	52,8
Запасы ПИИ, ввоз	51,6
Темпы роста общих резервов, включая золото	51,2
Потребительские цены	50,6
Занятость, сельское хозяйство	48,1
Потоки ПИИ, ввоз	47,5
Добавленная стоимость, промышленность	46,3
Доходы государственного сектора	46,2
Расходы государственного сектора	43,1
Экспорт товаров и коммерческих услуг	42,7
Добавленная стоимость, сельское хозяйство	37,5
Торговля товарами	34,4
Темпы роста ВВП на душу населения	34,4
Сальдо потоков ПИИ, приток-отток	32,4
Дефлятор ВВП	30,9
S&P, глобальные фондовые индексы	30,6
Потоки ПИИ, вывоз	26,2
Эффективность по сальдо	24,3
Сальдо запасов ПИИ	20
Эффективность услуг	17,3
Уровень безработицы	14,7
Эффективность промышленности	13,6
Коэффициент прироста населения	13,5
Баланс текущего счета	11,2
Налоговые поступления в государственный сектор	9,6
Торговля коммерческими услугами	8,2
Профицит/дефицит денежных средств государственного сектора	7

Примечание. Многослойный перцептрон, пакетное обучение.

Источник: рассчитано по данным Всемирного Банка и Международного валютного фонда

Source: Authoring based on World Bank and the International Monetary Fund data

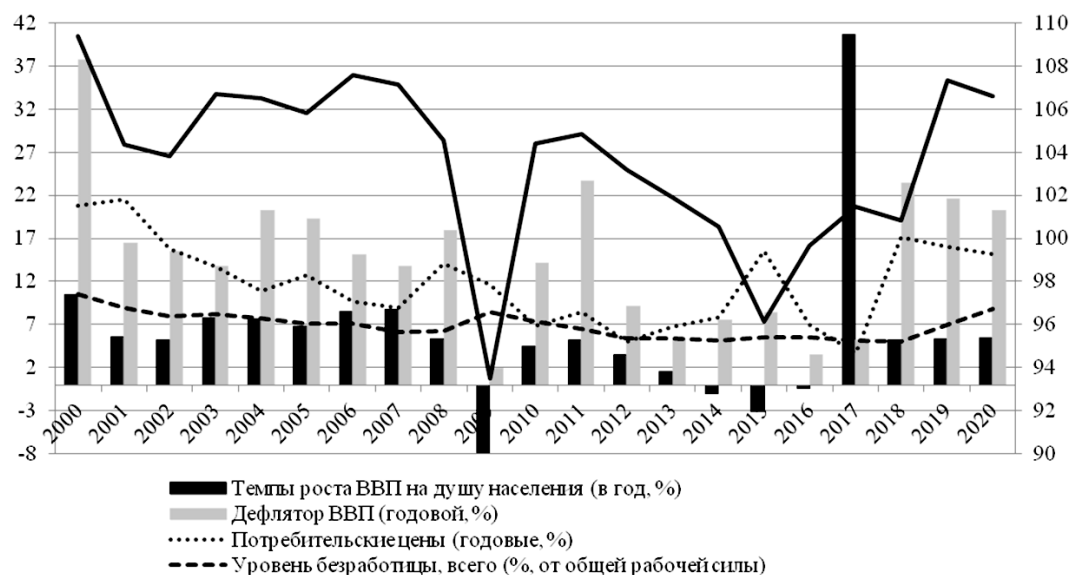
Таблица 3**Непараметрический анализ (нулевая гипотеза отклоняется), 2000–2020 гг.****Table 3****Nonparametric analysis (the null hypothesis is rejected), 2000–2020**

Показатель	Минимум	Максимум
Коэффициент прироста населения	–0,151	0,28
Темпы роста ВВП на душу населения	5,95	9,05
Занятость, промышленность	28,464	1,18
Эффективность сельского хозяйства	0,49	0,1
Интегральная эффективность	0,442	0,09
Потоки ПИИ, ввоз	10,854	4,77
Эффективность по сальдо	0,611	1,83
Расходы государственного сектора	23,793	3,65

Примечание. Критерий согласия Колмогорова, уровень значимости равен 0,05.*Источник:* рассчитано по данным Всемирного Банка и Международного валютного фонда*Source:* Authoring based on World Bank and the International Monetary Fund data

Рисунок 1
Агрегированные показатели

Figure 1
Aggregated indicators

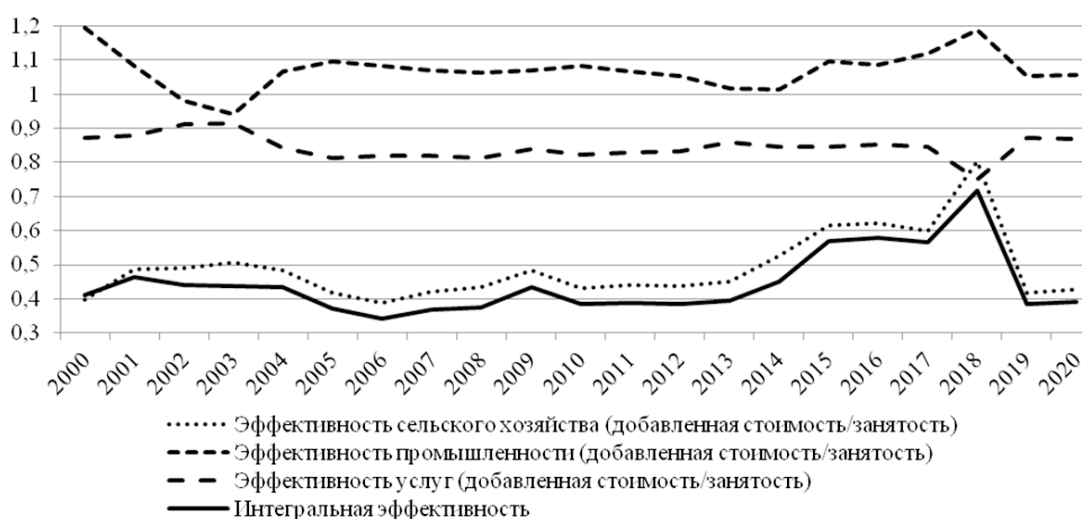
Примечание. Прогноз с применением МНК.

Источник: рассчитано по данным Всемирного Банка и Международного валютного фонда

Source: Authoring based on World Bank and the International Monetary Fund data

Рисунок 2
Эффективность

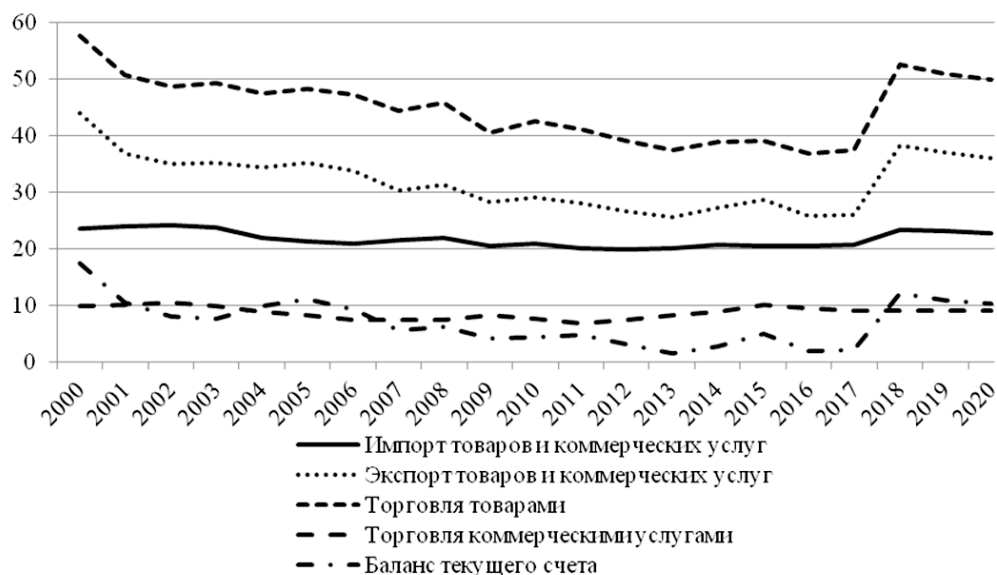
Figure 2
Performance

Примечание. Прогноз с применением МНК.

Источник: рассчитано по данным Всемирного Банка и Международного валютного фонда

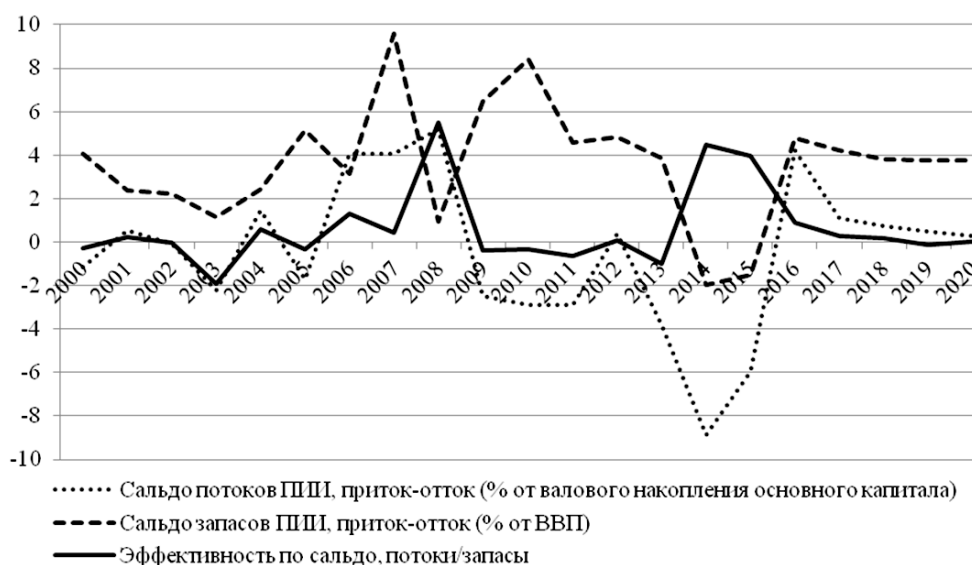
Source: Authoring based on World Bank and the International Monetary Fund data

Рисунок 3**Торговля****Figure 3****Trade**

Примечание. Прогноз с применением МНК.

Источник: рассчитано по данным Всемирного Банка и Международного валютного фонда

Source: Authoring based on World Bank and the International Monetary Fund data

Рисунок 4**Прямые иностранные инвестиции****Figure 4****Foreign direct investment**

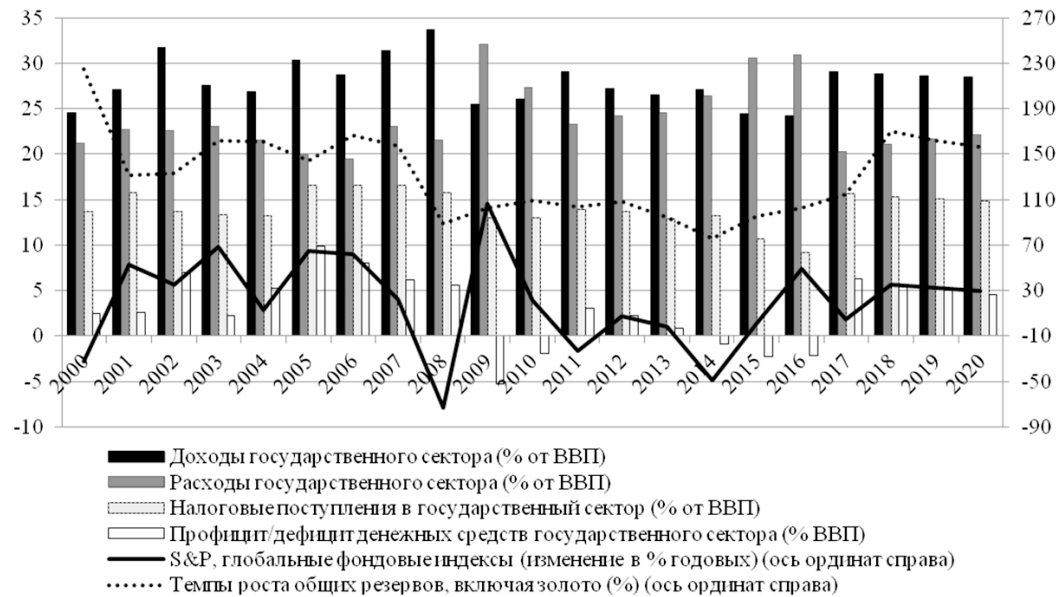
Примечание. Прогноз с применением МНК.

Источник: рассчитано по данным Всемирного Банка и Международного валютного фонда

Source: Authoring based on World Bank and the International Monetary Fund data

Рисунок 5
Финансовая система

Figure 5
Financial system

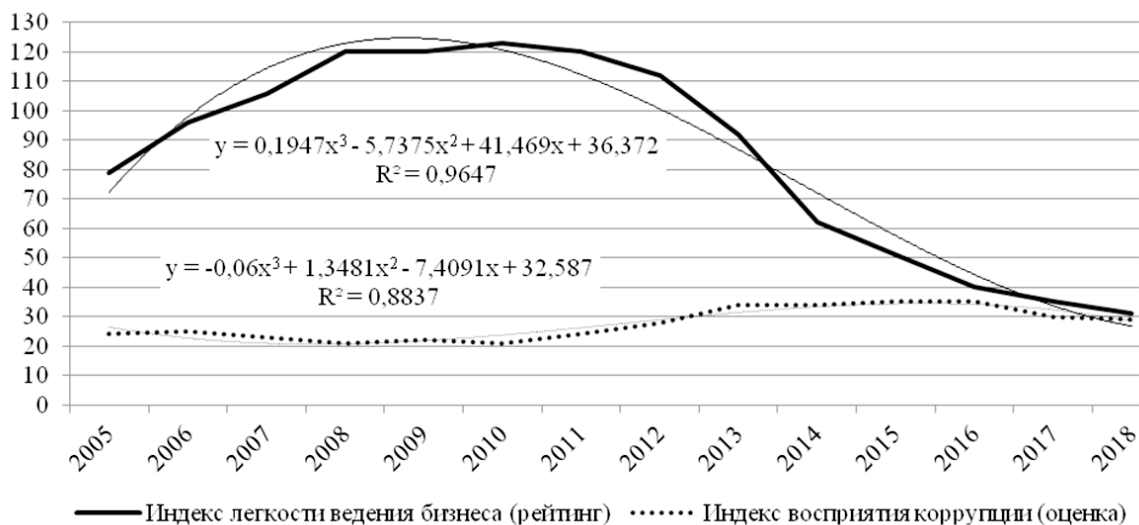
Примечание. Прогноз с применением МНК.

Источник: рассчитано по данным Всемирного Банка и Международного валютного фонда

Source: Authoring based on World Bank and the International Monetary Fund data

Рисунок 6
Легкость ведения бизнеса и восприятие коррупции

Figure 6
Ease of doing business and perception of corruption

Источник: рассчитано по данным Всемирного Банка и Международного валютного фонда

Source: Authoring based on World Bank and the International Monetary Fund data

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. Возобновление социально-экономического роста: проблемы и перспективы // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 3. С. 19–41.
URL: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-3-19-41>
2. Ивантер В.В. Восстановление экономического роста в России // Экономика и управление. 2017. № 1. С. 4–14.
3. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Хабриев Б.Р. Оценка эффективности механизмов укрепления государственного суверенитета России // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22. № 5. С. 6–26. URL: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2018-22-5-6-26>
4. Rotwein E. On “The Methodology of Positive Economics”. *The Quarterly Journal of Economics*, 1959, vol. 73, iss. 4, pp. 554–575. URL: <https://doi.org/10.2307/1884303>
5. Farmer M.K. Methodology of Economics and Other Social Sciences. *The Economic Journal*, 1982, vol. 92, iss. 368, pp. 972–974. URL: <https://doi.org/10.2307/2232682>
6. Mende T. Comparison of Economic Systems: Theoretical and Methodological Approaches. *International Affairs*, 1973, vol. 49, iss. 1, pp. 85–86. URL: <https://doi.org/10.2307/2612925>
7. Sondermann D. Towards More Resilient Economies: The Role of Well-Functioning Economic Structures. *Journal of Policy Modeling*, 2018, vol. 40, iss. 1, pp. 97–117.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2018.01.002>
8. Freire C. Economic Diversification: A Model of Structural Economic Dynamics and Endogenous Technological Change. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2019, vol. 49, pp. 13–28.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2019.03.005>
9. Стародубцева Е.Б. Россия в мировом хозяйстве: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. Вып. 1. С. 96–110.
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.1.96>
10. Косов М.Е. Проблема бегства капитала и пути ее решения // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. Вып. 1. С. 55–69. URL: <https://doi.org/10.24891/fc.25.1.55>
11. Антипова О.А. Теоретико-методологические основы устойчивого развития экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. Вып. 3. С. 476–489.
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.3.476>
12. Волчкова И.В., Подопригора Ю.В., Данилова М.Н. и др. Агломерационные процессы в России в контексте связанности социально-экономического пространства // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. Вып. 3. С. 422–433.
URL: <https://doi.org/10.24891/re.15.3.422>
13. Рафикова Н.Т., Трофимчук Т.С., Трофимчук А.С. О методических подходах к оценке вклада видов экономической деятельности в развитие экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2018. Т. 17. Вып. 3. С. 400–409. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.17.3.400>
14. Тётушкин В.А. Оценка государственного участия в экономике в кризисных условиях // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. Т. 10. Вып. 1. С. 85–103.
URL: <https://doi.org/10.24891/fa.10.1.85>

15. Ремизова Т.С. Анализ и оценка эффективности реализации государственной программы в области развития промышленности России // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2017. Т. 10. Вып. 12. С. 1380–1392. URL: <https://doi.org/10.24891/fa.10.12.1380>
16. Ушацев И.Г., Папцов А.Г., Еремеев В.И., Жуков Н.И. Налоги – основная функция управления развитием сельской экономики России // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2019. № 3. С. 2–9.
17. Вихарев В.В. Структурная трансформация экономики России в контексте занятости: анализ тенденций и прогноз // *Экономический анализ: теория и практика*. 2019. Т. 18. Вып. 2. С. 217–233. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.18.2.217>
18. Болодурина М.П., Мишурова А.И. Анализ критериев оценки эффективности прямых иностранных инвестиций // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. Т. 13. Вып. 8. С. 1475–1490. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.8.1475>
19. Алёхин Б.И. Фискальный дисбаланс и экономический рост России // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 4–22. URL: <https://doi.org/10.24891/fa.12.1.4>
20. Минакир П.А. Девальвация рубля: внешние шоки и внутренние проблемы // *Пространственная экономика*. 2018. № 3. С. 7–18. URL: <https://doi.org/10.14530/se.2018.3.007-018>
21. Маевский В.И. Мезоуровень и иерархическая структура экономики // *Journal of Institutional Studies*. 2018. Т. 10. № 3. С. 18–29. URL: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.018-029>

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

PRIORITIES OF THE CURRENT STRUCTURE OF THE RUSSIAN MACROECONOMICS

Valerii V. SMIRNOV ^{a,*}, Alena V. MULENDEEVA ^b^a I.N. Ulianov Chuvash State University (ChuvSU), Cheboksary, Chuvash Republic, Russian Federation
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>^b I.N. Ulianov Chuvash State University (ChuvSU), Cheboksary, Chuvash Republic, Russian Federation
alena-mulendeeva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9852-9804>

* Corresponding author

Article history:Article No. 316/2019
Received 24 April 2019
Received in revised form
16 May 2019
Accepted 31 May 2019
Available online
15 April 2020**JEL classification:** E10, E17,
E20, E24, E29**Keywords:** unemployment,
macroeconomics, structure,
economic growth**Abstract****Subject.** The study examines the structure of Russia's macroeconomics and analyzed its metrics.**Objectives.** The study determines metrics of the current structure of Russia's macroeconomics and marks achievable ones.**Methods.** The study is based on the systems approach and statistical, cluster, neural network and non-parametric analysis.**Results.** We assessed whether it is necessary to determine priorities of Russia's macroeconomic structure as it is today when the global economy departs from the total globalization policy to U.S.-style segmented corporate governance. We found what factors inhibit a growth in unemployment, industrial production, services and agriculture. We figured out what is required for more intensified trade, trend in foreign direct investment, and distinctions of the Russian financial system. The article highlights a course towards the liberalization of the Russian market, while the Corruption Perceptions Index continues to grow steadily.**Conclusions and Relevance.** The priorities shape ambiguous pictures of the Russian economy in terms of curbing a growth in unemployment, low efficiency of industrial production, servicing sector, agriculture, and sustainable dependence of a growth in labor productivity and the GDP deflator, opportunistic growth in total reserves, liberalization of the Russian market and Corruption Perceptions Index. The findings could be used to formulate and adjust the Russian economic policy at the macroeconomic level.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2019

Please cite this article as: Smirnov V.V., Mulendeeva A.V. Priorities of the Current Structure of the Russian Macroeconomics. *National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 4, pp. 613–630.
<https://doi.org/10.24891/ni.16.4.613>**References**

1. Aganbegyan A.G. [The resumption of socio-economic growth: problems and prospects]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*, 2017, vol. 12, no. 3, pp. 19–41. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-3-19-41>
2. Ivanter V.V. [Recovery of economic growth in Russia]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2017, no. 1, pp. 4–14. (In Russ.)
3. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Khabriev B.R. [Performance evaluation of the mechanisms strengthening the State sovereignty of Russia]. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2018, vol. 22, no. 5, pp. 6–26. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2018-22-5-6-26>

4. Rotwein E. On The Methodology of Positive Economics. *The Quarterly Journal of Economics*, 1959, vol. 73, iss. 4, pp. 554–575. URL: <https://doi.org/10.2307/1884303>
5. Farmer M.K. Methodology of Economics and Other Social Sciences. *The Economic Journal*, 1982, vol. 92, iss. 368, pp. 972–974. URL: <https://doi.org/10.2307/2232682>
6. Mende T. Comparison of Economic Systems: Theoretical and Methodological Approaches. *International Affairs*, 1973, vol. 49, iss. 1, pp. 85–86. URL: <https://doi.org/10.2307/2612925>
7. Sondermann D. Towards More Resilient Economies: The Role of Well-Functioning Economic Structures. *Journal of Policy Modeling*, 2018, vol. 40, iss. 1, pp. 97–117. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2018.01.002>
8. Freire C. Economic Diversification: A Model of Structural Economic Dynamics and Endogenous Technological Change. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2019, vol. 49, pp. 13–28. URL: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2019.03.005>
9. Starodubtseva E.B. [Russia in the global economy: Challenges and opportunities]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2019, vol. 15, iss. 1, pp. 96–110. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.1.96>
10. Kosov M.E. [Problems related to capital outflow and the solutions to them]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2019, vol. 25, iss. 1, pp. 55–69. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/fc.25.1.55>
11. Antipova O.A. [Theoretical and methodological principles for sustainable economic development]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2019, vol. 15, iss. 3, pp. 476–489. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.3.476>
12. Volchkova I.V., Podoprigora Yu.V., Danilova M.N. et al. [Agglomeration processes in Russia in the context of socio-economic space cohesion]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2017, vol. 15, iss. 3, pp. 422–433. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/re.15.3.422>
13. Rafikova N.T., Trofimchuk T.S., Trofimchuk A.S. [On methodological approaches to assess the contribution of types of economic activity to economic development]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2018, vol. 17, iss. 3, pp. 400–409. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ea.17.3.400>
14. Tetushkin V.A. [Evaluating the State intervention in the economy during the crisis]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2017, vol. 10, iss. 1, pp. 85–103. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/fa.10.1.85>
15. Remizova T.S. [Analysis and evaluation of the State program efficiency in the field of Russian industry]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2017, vol. 10, iss. 12, pp. 1380–1392. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/fa.10.12.1380>
16. Ushachev I.G., Paptsov A.G., Ereemeev V.I., Zhukov N.I. [Taxes – the main function of management for rural economy development of Russia]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii = Economy of Agricultural and Processing Enterprises*, 2019, no. 3, pp. 2–9. (In Russ.)
17. Vikharev V.V. [Structural transformation of the Russian economy in the employment context: An analysis of trends and forecast]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis:*

Theory and Practice, 2019, vol. 18, iss. 2, pp. 217–233. (In Russ.)

URL: <https://doi.org/10.24891/ea.18.2.217>

18. Bolodurina M.P., Mishurova A.I. [Analysis of criteria for evaluating the efficiency of foreign direct investment]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2017, vol. 13, no. 8, pp. 1475–1490. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.8.1475>
19. Alekhin B.I. [Fiscal imbalance and economic growth in Russia]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2019, vol. 12, iss. 1, pp. 4–22. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/fa.12.1.4>
20. Minakir P.A. [The devaluation of the ruble: External shocks and internal problems]. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2018, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.14530/se.2018.3.007-018>
21. Maevskii V.I. [Meso-level and hierarchical structure of the economy]. *Journal of Institutional Studies*, 2018, vol. 10, no. 3, pp. 18–29. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.018-029>

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.